

учеными, политиками и любителями прекрасного. Большой интерес вызывает региональный аспект, ибо и в этом, как и во многом другом, Франция с ее духом универсализма выявила свое особое отношение к пониманию объекта музейной экспозиции. В частности, в статье проводится сравнение музеев иммиграции во Франции и США и показывается, каким образом их концепции отражают различное отношение к иммигрантам, существующее в этих двух странах.

Литература

- Шнирельман* 2001 – *Шнирельман В.А.* Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // Язык и этнический конфликт / Под ред. М.Б. Олкотт, И. Семенова. М.: Центр Карнеги, 2001. С. 58–85.
- Horne* 1984 – *Horne D.* The great museum. The re-presentation of history. L.; Sydney, 1984.
- Kaeppler* 1996 – *Kaeppler A.L.* Paradise regained: the role of Pacific museums in forging national identity // Ed. F.E.S. Kaplan. Museums and the making of “ourselves”. The role of objects in national identity. L.: Leicester Univ. Press, 1996. P. 19–44.

V.A. Shnirelman. Introduction to a Discussion: Historical-Ethnographic Museum: Presenting a Tradition or Representing a Construct?

Keywords: nationalism, social memory, museum exposition, national culture images

ЭО, 2010 г., № 4

© **В.А. Шнирельман**

МУЗЕЙ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ключевые слова: музей, история, идентичность, амнезия, коренные народы, дискриминация

Музейная экспозиция многофункциональна. Она призвана расширить кругозор, научить чему-то (в частности, пробудить интерес к истории), придать смысл жизни, создать или утвердить идентичность, пробудить гражданские чувства, привить моральные ценности (например, осветить проблему добра и зла), выработать эстетический вкус, а также развить фантазию. В данной работе меня интересует, во-первых, вариативность образов реальности, представленных музейной экспозицией, во-вторых, разнообразие представлений о “народе” и его “культуре”, заложенных в такую экспозицию, в-третьих, отношение музея к идее историзма и способы ее презентации, в-четвертых, особенности восприятия экспозиции посетителями. Основу работы составляют мои собственные наблюдения, сделанные во время посещения музеев в самых разных странах, а также данные, почерпнутые из литературы.

В центре обсуждения лежит концепция музейной экспозиции: из чего она складывается и чему учит, а также какую именно идентичность она прививает посетителям. Важная часть этого – проблема амнезии: что именно остается за рамками музейной экспозиции, иначе говоря, что, по мнению власти и музейных сотрудников, зрителю

следует прочно забыть. При этом, разумеется, следует учитывать, что разные посетители могут воспринимать одну и ту же экспозицию по-разному в зависимости от своего социального опыта, политических убеждений, идентичности, объема предшествующих знаний, эстетических предпочтений и пр. Что же несет посетителю музейная экспозиция, и как он ее воспринимает?

Этнографический музей и природная среда

Начнем с местоположения экспозиции и ее связи с природным окружением. Каждая традиционная культура вписана в окружающую природную среду и имеет с ней самую тесную связь. Поэтому неудивительно, что обычно экспозиция в краеведческом музее открывается витринами, знакомящими посетителя с природными ландшафтами, а также с миром фауны и флоры. Однако тривиальное само по себе, это может вызывать сегодня весьма неоднозначную реакцию со стороны общественности. Если, создавая экспозицию, белые помещают “туземцев” в природный контекст, то это может встретить протест, ибо воспринимается так, будто белые приравнивают тех к животным. Здесь сказывается эффект ассоциативного мышления и травматической памяти о колониальном прошлом, когда в “туземцах” действительно видели “варваров” или “дикарей” и были склонны рассматривать их в контексте животного мира. Поэтому в прошлом музейная экспозиция, демонстрировавшая жизнь “туземцев”, вполне могла располагаться на территории зоопарка – ничего странного колониальное мышление в этом не усматривало. Но сегодня общественные настроения изменились, и такое размещение экспозиции воспринимается как ненормальное и иной раз вызывает протест.

Так, скандальный случай произошел в 2005 г. в Аугсбурге в Баварии, где руководство местного зоопарка в кооперации с рекламным агентством устроило так называемую Африканскую деревню. Там посетителям демонстрировались африканские песни и пляски, а также на продажу были выставлены продукты африканских ремесел. Это делалось из коммерческих соображений, и организаторы по своим взглядам вовсе не были расистами. Между тем это было воспринято местными правозащитными организациями и немецкими этнологами как недопустимая расиализация, ведущая к экзотизации и стереотипизации африканцев и обслуживающая неоколониальный подход к современной Африке (*Glick Schiller et al.* 2005). Ведь случай Аугсбурга был далеко не единичным. Аналогичные выставки создавались и в других странах Запада, например, в 2001 г. в г. Сиэтле в США (*Zoo* 2001).

Такое коммерческое использование экзотики отсылало посетителей к традиции XIX – начала XX вв., когда в Европе был популярен выставочный показ живых африканцев или папуасов в клетках (*Alland* 2002: 189–190). Неразрывная связь африканцев с животным миром дольше всего подчеркивалась в ЮАР эпохи апартеида, и поэтому сегодня музейная экзотизация африканцев воспринимается местными чернокожими исключительно негативно. Ассоциация с этой традицией все еще жива в социальной памяти европейцев и американцев. Поэтому такая экспозиция рождает у посетителей представления об африканцах как о “недочеловеках”, “дикарях”, хорошо вписанных в пространство животного мира, но неспособных отвечать запросам современной цивилизации. А это легитимирует дискриминацию, преследования и репрессии, ибо, как это ни печально, расизм остается непреодоленной проблемой современного мира. Поэтому немецкие эксперты, изучившие ситуацию в Аугсбурге, сделали вывод о том, что, хотя показ африканской культуры вполне легитимен, территория зоопарка не является подходящим местом для этого (*Glick Schiller et al.* 2005).

Но когда сами местные музейные работники или культурные активисты устраивают краеведческий музей, то нередко они включают в состав музея зоопарк или, по меньшей мере, делают витрины с изображением природной среды. Ибо для них их культура вписана в природу, и они не отделяют себя от нее. Это можно встретить, например, в Этнографическом музее народов Забайкалья, расположенном в Бурятии недалеко от Улан-Удэ, где особый участок отведен под небольшой зверинец. Там мож-

но видеть не только верблюдов, яков и мелкий рогатый скот, которых традиционно разводили различные группы бурятов, но и диких животных и птиц, населяющих окружающий природный ландшафт.

А в известном Музее айнов на о-ве Хоккайдо, расположенном под открытым небом в местечке Сираой, посетителей встречают клетки с медведями и собаками, составлявшими неотъемлемую часть традиционной среды, в которой жили айны. В самом же здании местного краеведческого музея экспозиция открывается витриной, демонстрирующей природный мир, где главенствует медведь – самый почитаемый айнами зверь. Иными словами, самопрезентация несет иную смысловую нагрузку и воспринимается иначе, чем экспозиция, организованная бывшими колонизаторами.

То же самое можно увидеть в музее под открытым небом “Скансен” в Стокгольме, где наряду с традиционными сельскими домами и этнографическими материалами находится и зоопарк для еще большего привлечения туристов. Следовательно, важно не только, что именно показывается, но и то, кто это показывает.

Музей как хранилище навыков

Обязательно ли краеведческий музей пытается знакомить посетителей с историей? Начнем с того, что в некоторых странах он вовсе не ставит перед собой такой цели. Но за этим обнаруживаются различные мотивы. Так, музей в г. Виктория на о-ве Ванкувер (Канада) демонстрирует чисто практический инструментальный подход. Для местных канадцев речь идет о “чужой культуре”, и посетители приходят туда вовсе не для оживления памяти о предках, а с целью получения новых практических знаний и навыков. Там они знакомятся с тем, как индейцы ловили рыбу, охотились на зверей с капканами, плели корзины, делали сосуды из бересты и т. д. Иными словами, музей отвечает запросам иммигрантов, не имеющих глубоких корней на данной земле, но желающих обучиться у коренных жителей каким-либо полезным навыкам. Важно, что в этом контексте люди вовсе не делят навыки на “свои” или “чужие”. Они относятся к ним чисто инструментально и осваивают их либо для коммерческих целей, либо для того, чтобы украсить свой дом и разнообразить свою жизнь, либо из эстетических соображений.

Музей и идея эволюции

Во второй половине XIX в. история в этнографических музеях подменялась эволюцией. Памятником этому до сих пор служит Музей Питт-Риверса в Оксфорде, где содержится огромная этнографическая коллекция. Основанный в 1884 г. генералом Огастом Питт-Риверсом, этот музей хранит преданность эволюционистской идеологии, апеллировавшей к идее универсального унилинейного развития человечества. Соответственно витрины компоновались по видам человеческой жизнедеятельности без какого-либо учета культурной вариативности. Например, там можно встретить витрину с веслами, относящимися к самым разным этнографическим культурам мира, но расположенными в соответствии с априорными представлениями эволюционистов о прогрессивном развитии материальной культуры от простого к сложному. То же относится к самым разным категориям материальной культуры, ибо эволюционистов второй половины XIX в., убежденных в полном единстве человеческой культуры и ее однонаправленном развитии, интересовал не конкретный культурный контекст, а путь, пройденный человечеством от “дикости” к “цивилизации”. Стержнем такой экспозиции служила идея не столько конкретной истории, сколько абстрактных эволюции и прогресса, доказывавших ценность современной цивилизации. Вещи подбирались и располагались так, чтобы подтвердить эту идею.

Такой плоский эволюционизм, стремившийся обосновать идею прогресса, становился ущербным, когда его пытались использовать для моральной оценки тех или иных этнических культур и тем более различных физических типов. Этим и был вызван скандал, в центре которого недавно оказался “расовый зал” Музея естественной истории г. Вены. Там вплоть до середины 1990-х годов не только экспонировались

череп, призванные демонстрировать различия “расовых типов”, но картина антропогенеза была представлена сопоставлением трех черепов – шимпанзе, австралопитека и бушмена. Тем самым в соответствии с расовой доктриной создатели экспозиции относили бушменов к наиболее “примитивной” группе современного человечества. В экспозиции демонстрировался и “нордический тип”, причем в тех же терминах, что были приняты в эпоху самого оголтелого расизма, а аннотация к экспозиции содержала в скрытом виде расистские коннотации. Все это вызвало резкий протест со стороны ряда антропологов, обвинивших музей в следовании нацистской традиции (*Kuper* 1993; *Kohn* 1995: 11–15).

Во второй половине XIX в. эволюционизм встретил непримиримого врага в лице национализма, заинтересованного в репрезентации идеи нации, чья самобытность опиралась как на образ традиционной культуры, так и на идею особого исторического пути. Например, в конце XIX в. известный немецкий физический антрополог Иоганн Ранке мечтал о национальном музее, где бы было показано “развитие тевтонских племен с эпохи их формирования до их слияния в новом Германском Рейхе, чтобы просвещать общество, пропагандировать науку и укреплять любовь к родине” (*Massin* 1996: 100). Так, абстрактной эволюции был противопоставлен культурный партикуляризм.

Национализм заинтересован в создании Большого Нарратива. Краткая, бедная героическими событиями история его не устраивает, и он постоянно обращается к глубокой исторической перспективе в поисках своих “вековых корней”. Там, где конкретно-исторических материалов не хватало, энтузиасты пытались компенсировать это ретроспективным обращением к этнографическим данным, рассматривая их все с тех же эволюционистских позиций. В 1987 г. мне довелось побывать в Национальном музее Финляндии в Хельсинки, где в нескольких залах была представлена история финского народа и его далеких предков. Экспозиция была построена в соответствии с идеями видных финских ученых, языковеда Э. Сетяля и археолога У.Т. Сирелиуса, которые, исходя из эволюционного культурно-исторического подхода, видели в разных финно-угорских группах разные этапы, пройденные предками. Поэтому, чтобы дать посетителю представление об историческом пути, пройденном финским народом от доземледельческого образа жизни до современности, ранний этап иллюстрировался предметами культуры обских угров, земледельческий этап – финскими народами Поволжья, а индустриальный этап – культурой Финляндии XX в. Так финны интегрировались в общую идею прогресса, доказывая, что их путь к цивилизации мало чем отличался от пути, пройденного другими европейскими народами. Таким образом, они становились полноправными членами европейской семьи народов. Но в конце 1990-х годов музей был заново отремонтирован, и концепция экспозиции была существенно изменена, о чем будет сказано ниже.

Музей, история и этничность

Музей может быть целиком посвящен идее отражения в экспозиции этнических корней. Примером является Музей культуры яёй в Осаке. Эта первая в Японии рисоводческая культура долгое время отождествлялась с предками японцев, прибывшими с материка более двух тысяч лет назад (*Шнирельман* 1989: 157–158). Именно к ним японцы возводили свою генеалогию с тех пор, как там возникла научная археология. Этим и определялась идея создания музея одной археологической культуры. Музей занимает большую площадь и, кроме обычной экспозиции, включает исторические реконструкции. Там можно посетить огромный общинный дом, реконструированный по археологическим остаткам, а также небольшие хижины, землянки и другие строения, предназначавшиеся для индивидуальной или семейной деятельности. Отдельный участок оставлен даже для рисового поля, которое любовно обрабатывают сотрудники музея. Музей показывал далеких предков японцев культуртрегерами, землепроходцами, первооткрывателями “диких земель”, принесшими туда “высокую культуру”.

Рисовое поле и хижина. Музей культуры яёй

Между тем сегодня идея колониализма себя дискредитировала, и культура яёй, связанная с колонизацией и “цивилизационной миссией”, больше не кажется японцам привлекательной. Более важным им представляется обретение подлинно автохтонного статуса, и вот уже около 20 лет местные ученые пересматривают образ своих предков и ищут его в более глубокой древности, связанной с местной культурой дзёмон. Музей культуры яёй в Осаке продолжает функционировать, но свой прежний высокий статус он, похоже, утратил. Сегодня он сохраняет значение скорее как музей рисоводства, веками составлявшего стержень японской культуры.

Однако идея исторического прошлого не обязательно апеллирует к идее примордиальных предков. Ведь прошлое, независимо от идентичности его создателей, может служить предметом гордости или свидетельствовать об уникальности данного региона. Например, хотя о-в Мальта является небольшим по площади и не входит в список ведущих мировых держав, его жители с почтением относятся к длительной бурной истории острова, с которой, как они подчеркивают, не могут тягаться и американцы. В частности, мальтийцы гордятся местными неолитическими храмами. В Археологическом музее в г. Валетта подчеркивается, что мегалитические сооружения на Мальте возникли задолго до египетских пирамид, не говоря уже о других мегалитических постройках в различных уголках мира. Тем самым Мальта получает особый престиж как место возникновения мегалитической архитектуры. Будучи ярким символом местной исторической специфики, неолитический храм даже изображается на мальтийских монетах. И хотя мальтийцы весьма гетерогенны по своему составу, образ местного драматического прошлого сплавливает их в единую общность, причем это не имеет никакого отношения к этничности.

Иная модель представлена идеей этноцентризма. Например, в расположенном в центре Владикавказа (Северная Осетия-Алания) небольшом археологическом музее под громким названием “Прикосновение к вечности” экспозиция открывается изобра-

жением генеалогического древа индоевропейских языков. И это немедленно отсылает нас к “арийской идее”. Сама же экспозиция расположена в хронологическом порядке, начиная с эпохи раннего бронзового века, т.е. с куроаракской и майкопской культур, и вплоть до этнографической осетинской культуры. При знакомстве с этими материалами у посетителя создается впечатление о непрерывной культурной преемственности от бронзового века до современности, о связи этого развития исключительно с индоевропейским населением и, следовательно, о том, что никаких других лингвокультурных групп в этом регионе никогда не было. Такой подход игнорирует участие иных культурно-языковых групп в создании северокавказского исторического наследия. Вместе с тем, в краеведческих музеях соседних республик – от Дагестана до Карачаево-Черкесии и Адыгеи – в экспозиции также видное место занимают предметы куроаракской и/или майкопской культур. И там их связывают со своими собственными предками.

Историко-фактографический подход и национализм

В российских музеях, начиная с середины XX в., принят историко-фактографический принцип, опирающийся на исторические реалии, включающие апелляцию к археологическим источникам. При этом в краях и областях России речь идет об истории данного региона, а в национальных республиках – об истории титульных народов и их предков. Интересно, что ранее местные краеведческие музеи демонстрировали порознь экспозиции, представлявшие археологию края и его этнографию. При этом никаких попыток связать эти экспозиции исторической преемственностью не наблюдалось. Такие попытки стали делаться лишь со второй половины 1930-х годов, когда в связи с завершением этнофедерального строительства возобладали принципы историзма, и музей был призван демонстрировать историю титульного народа, начиная с его самых древних корней. Это было свойственно музеям отдельных национальных и автономных республик, тогда как в остальных регионах СССР господствовал региональный подход. За редкими исключениями то же самое сохраняется и в современной России. В результате, если республиканские музеи сознательно выковывают этническую идентичность, то региональные делают акцент на региональной идентичности, не связанной с этничностью. Этничность подчеркивалась в региональных музеях только у нерусских групп, которые либо являлись коренными жителями края, либо переселились туда в какую-то историческую эпоху. Например, в Областном музее краеведения в Ростове-на-Дону первое представлено витриной меотов, а второе – витриной, посвященной армянской общине.

Сегодня некоторые региональные группы в России проявляют повышенный интерес к своему историко-культурному своеобразию, представляя его выражением своей особой этнической идентичности. Более всего это присуще казакам. Так, в Старочеркасске работает устроенный казаками музей-заповедник “Атаманское подворье”, где действует постоянная экспозиция, посвященная славной истории и культуре донских казаков, а также организуются временные выставки. Львиная доля выставленных в экспозиции материалов дает представление о жизни казачьей верхушки, о боевых подвигах и славе выдающихся казачьих атаманов и, прежде всего, Матвея Платова. Посетитель видит массу разнообразного оружия, пышные мужские и женские наряды, боевые награды, ценные восточные вещи, а также богатые покои казачьего куреня. Гораздо меньше внимания уделяется хозяйственному быту и культуре повседневности. Музей показывает лишь парадную часть казачьей жизни и окружает ее ореолом романтики и героики. Будучи в течение советских десятилетий лишены своей культуры и временами подвергаясь репрессиям, сегодня казаки живут мифом о своем Золотом веке, и именно этот запрос стремится удовлетворить музей донского казачества. При этом музейная экспозиция отличается элитарностью, и культура казачьей верхушки преподносится посетителю как культура всего донского казачества.

Иной раз, демонстрируя историю и культуру народа, музей сознательно делает акцент на какой-либо яркой особенности данного народа, тем самым поддерживая

Герб Платова. Музей-заповедник “Атаманское подворье”, Старочеркасск

сложившийся в обществе стереотип. Так, хотя в Дагестанском государственном объединенном музее и представлены основные вехи истории Дагестана, главный акцент там делается на воинственности горцев. В залах посетитель находит многочисленные предметы вооружения и живописные полотна, изображающие военные сражения, тогда как культуре повседневности отводится весьма скромное место. То же относится и к гендерному фактору: главное место в музее занимает образ мужчины-воина, а женщина остается на втором плане. Например, в залах, посвященных современности, можно видеть огромные стенды с фотографиями видных людей республики (военных, руководителей республики, деятелей культуры, науки и образования, Героев соцтруда, спортсменов), где мужчины решительно преобладают. Образ женщины занимает ведущее место лишь в одном зале, где показаны национальные костюмы десяти различных народностей Дагестана. Женщина должна лишь радовать глаз своими красотой и изяществом, а ее социальная и хозяйственная роль остается за кадром.

Таким образом музей поддерживает распространенные в обществе стереотипы маскулинности и патриархальных традиций.

Кроме того, история Дагестана представлена с большими лакунами. Посетитель мало что узнает о независимых средневековых княжествах, их политической и социальной организации, жизни их населения. Зато акцент делается на многовековом сопротивлении захватчикам (татаро-монголам, Тимуру, Надир-шаху) и позитивной роли присоединения к России. Примечательно, что при этом центральное место в музейной экспозиции занимает Кавказская война и фигура имама Шамиля (три зала из шести, отведенных эпохе до второй половины XIX в.). Экспозиция, посвященная Кавказской войне, была создана в 1997 г. в связи с празднованием 200-летия со дня рождения Шамиля и с тех пор стала частью постоянной экспозиции. Она делает эту фигуру едва ли не центральной в истории Дагестана. Так исторический эпизод превращается в центральное Событие истории народа, а его герой – в главного народного Героя. В итоге у посетителей (а это во многом дети и подростки) возникает убеждение в том, что главной ценностью является не столько труд, сколько военная доблесть и защита Родины от внешних врагов.

Сравнение экспозиций Областного музея краеведения Ростова-на-Дону и Дагестанского государственного объединенного музея показывает существенные различия в том, какая именно идентичность предлагается посетителю. В Ростовском музее показано, что в разные эпохи регион был свидетелем крупных миграций населения и заселялся различными группами. Здесь и скифы с сарматами, и меоты, и древние тюрки, и славяне, и армяне. Потомки некоторых из них до сих пор здесь обитают. Здесь речь идет о региональной идентичности и лояльности территории обитания, независимо от национальности. Зато в Дагестанском музее акцент делается на истории “народа” и лояльности именно “дагестанскому народу”, населяющему республику.

С целью формирования общедагестанской идентичности музеев полностью игнорирует некоторые исторические эпохи и уменьшает роль других. Так, сегодня там фактически не представлен хазарский период. И это притом, что Дагестан был одним из важнейших регионов Хазарского каганата, где располагалось несколько его известных городов. Во имя формирования общедагестанской идентичности в музее нет и попыток представить специфическую историю отдельных многочисленных этнических групп, населяющих современный Дагестан. По той же причине мало места уделяется истории средневековых княжеств. Хотя Дагестан гордится своей поликультурностью, в музейной экспозиции нет ни списка местных этнических групп, ни этно-лингвистической карты. С поликультурностью посетитель встречается лишь в одном зале, где ему демонстрируют женские костюмы десяти различных народов Дагестана. Но там же выставлен лишь один мужской традиционный костюм, ибо, как объясняется, мужские костюмы у разных групп не различались. Тем самым мужчина представляется идеальной моделью дагестанской идентичности.

Национальное и региональное в музее

Итак, во имя сплочения людей в национальную общность национализм умалляет конкурирующие с ним региональные и локальные идентичности, и тому есть масса примеров. В Национальном музее Мадрида традиционная крестьянская культура показана как “испанская” без каких-либо более дробных членений, связанных с региональными особенностями. И лишь в запасниках можно увидеть вещи, относящиеся к традиционной культуре басков, но и там они хранятся без соответствующих пояснительных надписей. В Мадриде подчеркивается единство испанской нации, и это не оставляет места для регионализма. Подобным образом Музей Нигерии, открытый в Лагосе в 1957 г., призван был выковать общенигерийскую национальную идентичность. Поэтому на этикетках давались не племенные названия, а только названия городов и поселков, откуда происходили музейные экспонаты (*Willett 1990: 172*). Это делалось для преодоления трибализма. Позднее власти Нигерии, озабоченные формированием общенациональной идентичности, требовали, чтобы вещи древних цивилизаций Нок, Ифе и Игбо-Укву, а также царства Бенин в равной мере были представлены во всех провинциальных музеях как не региональное, а общее культурное достояние (*Willett 1990: 176–177; Kaplan 1996: 45–78; Gaugue 1999: 337–338*).

Аналогичная музейная политика проводится в других государствах тропической Африки, где власти озабочены формированием общенационального единства. При этом, после обретения независимости, там всячески подчеркивается роль африканцев в местной истории и принижается или вовсе игнорируется вклад арабов, индийцев и иных пришлых групп населения. Кроме того, если в колониальный период музейная экспозиция отражала региональное и этническое разнообразие, то после обретения независимости музеи отказались от этого принципа. Теперь вещи там классифицируются по категориям независимо от своего этнического происхождения, а этнический принцип рассматривается как пережиток колониального подхода к культуре. Музей учит уважать “традицию” как источник моральных и духовных ценностей, доставшихся от предков, мир которых идеализируется и романтизируется, всячески подчеркивает единство нации и скрывает этническое многообразие (*Gaugue 1999: 338, 341–342*).

В регионах такая музейная политика может встречать протест и стремление к репрезентации своего своеобразия. Например, в Шотландии музеи издавна выковывали локальную и общешотландскую идентичности, противостоящие британской. Первые местные музеи были основаны в 1820–1830-х годах, и к концу XX в. в Шотландии насчитывалось до 400 различных музеев и выставок, призванных пропагандировать местную культуру и ее различные аспекты. Такие музеи играли огромную роль в поддержании особой шотландской идентичности (*Willett 1990: 178–181*). На это и опирается шотландский национализм.

Этнографический музей народов Забайкалья

Иную модель демонстрирует Этнографический музей народов Забайкалья в Бурятии. Там практикуется мультикультурный подход и равным образом показана культура русских старожилов, забайкальских бурят и эвенков, что говорит о поликультурном составе республики и традициях долгого совместного проживания. Тем самым Бурятия рисует себя республикой, где издавна мирно уживаются несколько разных народов.

Аналогичную политику идентичности можно наблюдать в Индонезии. Там равным образом поощряются национальная и региональные идентичности. И это отражается в организации местных музеев (*Adams 1999: 355–364*).

После ремонта, сделанного в 1997–2000 годах, концепция экспозиции в Национальном музее Финляндии была коренным образом пересмотрена, и от идеи “эволюции финского народа” там почти ничего не осталось. Сегодня посетитель уже не встретит там ярко выраженной идеи финно-угорской общности – нет ни соответствующих карт, покрывающих все земли финно-угорских народов, ни схемы финно-угорских языков. Сейчас музей строго делится на археологическую, историческую и этнографическую части, как это и предусматривалось первоначальным планом, выработанным ровно сто лет назад. А стержнем исторической экспозиции является политическая история Финляндии и социальная структура общества в Средние века и в Новое время. Историческая экспозиция прямо обозначается как “история государственности”. Тем самым между археологическими залами, расположенными на первом этаже и демонстрирующими эволюцию культуры, и историческими, занимающими второй этаж, существует тематический разрыв, не ограничивающийся одним лишь лестничным пролетом.

Археологические коллекции, расположенные в хронологическом порядке, практически обезличены, если не считать нескольких витрин с раннесредневековыми ма-

териалами, принадлежащими викингам. Правда идея “этнической истории” в музее сохранилась. В аннотации к археологической экспозиции поясняется, что финский язык относится к финно-угорской языковой семье, носители которой были связаны с культурой гребенчатой керамики, пришедшей в Финляндию в неолите. Но затем отмечались волны балтов (культура шнуровой керамики) и германцев (ранний железный век), а на севере обитали предки саамов (лопарей). Иными словами, население Финляндии с древности показано гетерогенным. Разнородные группы смешивались друг с другом, а финский язык сложился в течение раннего железного века. И, хотя археологическая экспозиция заканчивается обращенной к посетителям информацией о том, что они ознакомились с финской жизнью в первобытности, эта информация воспринимается достаточно абстрактно, так как ни одна из представленных археологических коллекций не атрибутирована как именно “финская”. Сегодня финская культурная специфика представлена лишь в этнографической части музея, расположенной на третьем этаже, где показана бытовая культура финского крестьянства. Но и там несколько витрин посвящены культуре лопарей, образ жизни которых освещается и видеофильмом, посвященным охотничьим практикам.

Шведский и русский периоды истории показаны спокойно как определенные этапы развития государственности; никакого акцента на “колониальном прошлом” не делается. Зато центром исторической экспозиции оказывается “тронный зал”, посвященный драматическим событиям 1809 г., когда территория Финляндии была отторгнута Россией у Швеции, с чего и началось становление финской государственности. Иными словами, у финнов сегодня нет опасений за судьбу своей государственности или территориальные границы; нет и соперничества с какими-либо иными историческими культурами. Поэтому вся история на территории Финляндии воспринимается по умолчанию как “финская”. Исключение делается лишь саамам (лопарям) в соответствии с нормами международного права, требующими проявлять заботу о культурах этнических меньшинств. Таким образом, сегодня этнонациональная идея уже не определяет характер экспозиции Национального музея Финляндии.

Конструирующая роль амнезии

Определенную роль при устройстве исторической экспозиции играет амнезия, вызываемая конъюнктурными политическими соображениями. Так, в советские годы в краеведческом музее Ставрополя вещи, связанные с культурами репрессированных северокавказских народов, либо не попадали в экспозицию, либо оставались этнически неатрибутированными – сопровождавшие их надписи отсылали посетителя к обезличенной “культуре горцев Северного Кавказа”. Горцы представлялись экзотическими чужаками, место которым было лишь в памяти, но не в реальной жизни.

Попытавшийся в 1980-х годах проанализировать, как историческое присутствие афроамериканцев отражается в музейных экспозициях Новой Англии, американский исследователь с удивлением обнаружил, что память о том, что те составляли неотъемлемую часть социальной среды в Массачусетсе с 1638 г., почти не находила отражения в местных комплексах, посвященных культурному и историческому наследию. Он связал это с расовыми настроениями, которые сознательно или несознательно вели к игнорированию роли афроамериканцев в местной истории (*Paynter 1990: 49–62*). В музеях Бразилии почти полностью игнорируется вклад местных индейцев и чернокожих африканских рабов в развитие хозяйства и культуры. Зато там отдают должное мулатам, составляющим изрядную долю среднего класса (*Dickenson 1996: 235–236*). Аналогичным образом музеи Австралии вплоть до последних десятилетий XX в. пренебрегали культурой австралийских аборигенов (*Anderson, Reeves 1996: 79–124*). В этом случае речь тоже шла об исключении представителей “низшей расы” из состава нации. К тому же в Австралии долгое время считали, что аборигены обречены на вымирание, и потому никакого места в прогрессивно развивающейся австралийской нации им не отводилось.

Сходная картина наблюдалась в СССР с евреями, начиная с конца 1930-х годов. Даже в тех музеях, где подчеркивался полиэтничный состав населения и в экспозиции были представлены разные культуры, память о евреях блистательно отсутствовала. Например, в львовском Музее этнографии и ремесел в течение многих советских десятилетий от глаз посетителей была скрыта богатейшая коллекция предметов, принадлежавших евреям Галиции. О ней даже не полагалось вспоминать. Такая амнезия, безусловно, отражала атмосферу государственного антисемитизма. И хотя сегодня последний остался в прошлом, многие российские музеи и ныне старательно обходят эту тему. Определенную роль в этом играет и тот факт, что в России евреи традиционно не считаются “коренным населением”. Подобным же образом в музеях Индонезии нет и намек на живущих там китайцев, а в музеях Японии не отражена история японских корейцев.

Иногда музей призван облегчить обществу забвение исторических периодов, оставивших по себе недобрую память. Так, в Музее Пергамон в Берлине в эпоху ГДР была представлена богатая нумизматическая коллекция, в которой зияла лишь одна лакуна – полностью отсутствовали монеты эпохи нацизма. Сегодня аналогичным образом поступают, например, власти Туркмении, и в новом Национальном музее в Ашхабаде посетитель не найдет экспозиции, посвященной советскому периоду (*Демидов 2002: 142*).

В некоторых других постсоветских государствах для материалов о советском периоде отведено особое место – для этого созданы Музеи оккупации, где наглядно проявляется не столько амнезия, сколько смещение акцентов. Советский период рисуется исключительно черными красками как эпоха “порабощения” и “угнетения”. Ничего позитивного в нем устроители музея не видят, как не видят и участия местных функционеров и общественных деятелей в осуществлении советской политики (*Абашин 2009: 37–54*).

В африканских музеях, посвященных истории работорговли, всячески подчеркивается роль в этом белых и скрывается роль африканских посредников и арабов. Кроме того, там вовсе не говорится о рабовладении в местных африканских царствах доколониальной эпохи. И если исторически колониальные режимы устанавливались как путем военной силы, так и заключением договоров с местными вождями и властями, то в музеях делается акцент только на вооруженном сопротивлении и борьбе против колонизаторов (*Gaugue 1999: 338–340*).

Иной раз национализм и сложная современная политическая обстановка заставляют игнорировать целые пласты истории, связанные с тем населением, которое считается “недружественным” и мешает рисовать непротиворечивую картину истории данной группы или предков доминирующего народа. Так, марониты Ливана подчеркивают свое происхождение от “финикийцев” и прославляют именно эту древнюю эпоху, полностью игнорируя более поздний исламский период (*Seeden 1990: 146*).

В Музее города Вены (Австрия) также почти нет экспонатов, которые бы повествовали о его многоэтничном и поликультурном составе. Например, о присутствии турок говорит лишь одна картина начала XIX в., изображающая турецкую кофейню. И это притом, что кофе и связанная с ним богатая культура пришли в Австрию из Османской империи. Зато целый зал посвящен осаде Вены турками в 1683 г., когда город лишь чудом спасся от захвата и разграбления. В социальной памяти австрийцев турки ассоциируются, прежде всего, с образом векового смертельного врага, и сегодня этот образ культивируют местные политические радикалы, поддерживая у австрийцев мигрантофобию, направленную против турок. Зато в музее г. Зальцбурга представлены материалы, показывающие значительное влияние турок на австрийское военное дело и военные ритуалы. В частности, – в военной музыке и музыкальных инструментах.

Игнорируя процессы взаимопроникновения культур, музей способен навязывать посетителю искаженную картину живой реальности. Например, в Музее Израиля в

Турецкие музыкальные инструменты XVIII в. Музей г. Зальцбурга

Иерусалиме вообще не упоминают об арабской культуре. Там значительная часть экспозиции посвящена первобытному периоду, начиная с палеолита, и Древнему Израилю вплоть до разрушения Храма римлянами. Затем Музей переносит посетителя в условия еврейской диаспоры – в этих залах показаны как культурные особенности разных еврейских групп в диаспоре, так и те элементы культуры, в основном религиозные, которые их объединяют. Таким образом, музей частично придерживается территориального принципа, а частично – культурного. При этом его организаторов интересует только еврейский народ, и они используют все возможности музейной экспозиции для укрепления его идентичности. О той более широкой социокультурной среде, в которой приходилось жить евреям, здесь речи не идет.

Основанный гораздо позднее Музей диаспоры в Тель-Авивском университете тоже заботится о поддержании еврейской идентичности и еврейского единства, но стремится соблюдать определенный баланс между репрезентацией еврейской культуры и демонстрацией ее весьма непростого диалога с окружающим миром. Экспозиция в этом музее размещается на трех этажах и членится на три равные части: первый этаж дает представление об основах еврейской культуры (ритуальные вещи, праздники и церемонии, система образования, социальные институты и система самоуправления), помогавшей евреям выжить и сохраниться как определенное единство; второй этаж знакомит посетителя с иудаизмом и его ролью в сохранении народа, а также с достижениями евреев в самых разных сферах культуры на протяжении последних трех тысячелетий; наконец, третий этаж демонстрирует разнообразные модели общения евреев с местным населением в условиях диаспоры. Примечательно, что создатели экспозиции стремятся избежать чрезмерного акцента на преследованиях и антисеми-

тизме. Вместо этого они дают более сбалансированное представление о позитивных и негативных сторонах межкультурной коммуникации. Иными словами, преследуя цель поддержания еврейской идентичности (этому служат экспозиции, посвященные еврейской культуре и религии), этот музей вовсе не стремится обособить евреев от остальных народов, а напротив, пытается показать интенсивность межкультурного диалога и вклад евреев в общечеловеческую культуру.

Другие приемы и цели национализации культурного наследия

В ряде случаев музеи участвуют в присвоении чужого прошлого, что нередко происходит в современном мире. Так, скажем, хотя начало готической архитектуре было положено во Франции, Германия ее национализировала до такой степени, что та стала считаться символом Германии (*Horne* 1984: 165). Нечто подобное случилось с домонгольскими соборами Древней Руси, которые строились германскими мастерами, но со временем прочно слились с образом исконно русской архитектуры.

Иной раз речь может идти об обвинениях в “присвоении” там, где людьми движут совсем другие мотивы. Например, сегодняшнее увлечение белых жителей (*накеха*) Новой Зеландии культурой маори и их отношение к ней как к общему наследию вызывает протест у самих маори, подозревающих белых в стремлении монополизировать контроль над культурным наследием (*Каеплер* 1996: 26–29).

В музее национализм может проявляться не только интересом к национальной культуре в целом и ее эволюции, но и особым отношением к родной природе и ландшафтам, к наиболее популярным занятиям населения, к тем аспектам культуры, с которыми принято связывать “национальный характер”. Национализм повсюду романтизирует крестьянскую культуру, в которой будто бы концентрируется дух нации. Именно в крестьянстве или, по меньшей мере, в его романтизированном образе ищут главную опору многие националистические режимы и движения (*Horne* 1984: 172–175; *Gellner* 1992: 251). Там же где крестьянства не было, ему без труда находится замена: ковбой на лошади настолько же является символом американской нации, насколько эскимос в каяке – символом гренландской.

Музей нередко призван продемонстрировать право местного населения на свою территорию, что чаще всего обосновывается археологическими коллекциями. Так, первое, что видит посетитель при входе в местный музей в Ситке на Аляске, – это надпись, говорящую о том, что древнейшие обитатели, поселившиеся там 10 тыс. лет назад, были прямыми предками живущих здесь ныне индейцев-тлинкитов. Тем самым тлинкиты недвусмысленно отвергают претензии ряда американских активистов, указывающих на их позднее появление в этих местах и делающих вывод о том, что белые американцы в не меньшей мере, чем тлинкиты, имеют право на местные территории.

Национальное, этническое и историческое – линии напряжения

О соотношении двух разных подходов – общенационального и этнического – к организации музейной экспозиции, красноречиво свидетельствует сравнение айнских экспозиций в двух музеях о-ва Хоккайдо – Музее колонизации Хоккайдо в Саппоро и Музее айнской культуры в Сираоэ на южном побережье о-ва Хоккайдо. Первый из этих музеев был создан губернаторством Хоккайдо, а второй – самими айнами. В первом акцент делается на историческом развитии общества, и там айнская культура представлена как один из культурных пластов, сыгравший определенную роль в формировании современной культуры Хоккайдо. Айнской культуре отведено определенное место в средневековой истории острова приблизительно с VIII до XVII вв., после чего айны подверглись вначале эксплуатации, а затем ассимиляции. Во второй половине XX в. их традиционная культура находилась в глубоком кризисе, и они почти полностью перешли на японский язык. Некоторые из них сохраняют айнскую идентичность, другие считают себя японцами. Поэтому предки айнов и сами айны реально присутствуют лишь в музейных залах, относящихся к древности и средневековью, а в экспозициях, посвященных современности, о какой-либо культурной специфике айнов речи уже

нет. Здесь им отводится лишь одна небольшая витрина с книгами айнских писателей XX в., писавших по-японски. Музей недвусмысленно дает понять, что архаическая айнская культура не вписывалась в современность и ее ждала печальная участь.

Совсем иной подход демонстрируют сами айны. Их традиция не обладает идеей историзма, а их этническая консолидация ослаблена фракционностью. Созданные по инициативе самих айнов, этнографические музеи в поселках Сираой и Набутани – это местные клановые музеи. Они демонстрируют этнографическую культуру, но без обращения к истории. Вот как расставлены акценты в Музее айнов, работающем в Сираое с 1984 г. Там айнская культура представлена как застывшая традиционная культура – отдельные залы посвящены разным ее аспектам: охоте, рыболовству, земледелию, домашним ремеслам, брачным и погребальным ритуалам, общинным церемониям и т. д. Какой-либо особой экспозиции, посвященной истории айнов и их взаимоотношений с японцами, там нет. И даже японские заимствования представлены как отдельный аспект айнской культуры, фактически лишенный исторического контекста. Зато важной частью айнского музея является культурная практика в действии. Работающие там айны и японцы не только продолжают традиции народных промыслов (плетение, ткачество, резьба по дереву), но и регулярно знакомят посетителей с песенным и танцевальным фольклором и даже раз в год устраивают медвежий праздник (ритуал “йоманте”), в котором участвуют пять айнских общин южной части о-ва Хоккайдо (сходную картину мне довелось наблюдать у тлинкитов в музее Ситки).

Экспозиции рассмотренных музеев отражают две разные идеологии. Демонстрируя прежний колониальный подход, Музей колонизации Хоккайдо отдает должное айнской культуре, но лишь в той мере, в какой она послужила основой для сложения современной культуры Хоккайдо. Иными словами, айны вписаны в историю, но показаны как колонизируемое население. Они присутствуют в экспозиции, демонстрирующей процессы колонизации, но их практически нет в настоящем. Своей экспозицией этот музей подчеркивает установку японского государства на интеграцию и ассимиляцию айнов. До недавнего времени японцам представлялось важным показать себя единой гомогенной нацией, и такая самопрезентация места айнам не оставляла. Самим айнам такая история, уничтожающая их идентичность и вычеркивающая их из современного японского общества, не нужна. Поэтому и музеи айнов говорят не об истории, а об этнографии. Тем самым айны заявляют о своем существовании и о необходимости с собой считаться. Вот почему Музей айнов в Сираое подчеркивает культурное своеобразие айнов, стремясь воскресить в сознании айнов образ их традиционной культуры. Демонстрируя культурную самобытность, этот музей пытается превратить айнскую культуру в значимый символ айнской идентичности.

Этот момент важен не только потому, что айны быстро ассимилируются и теряют свое этническое лицо. Не менее существенно и то, что общеайнское самосознание у них развито достаточно слабо; ведь айнская идентичность основывается, прежде всего, на клановой принадлежности. В этом отношении музей в Сираое достаточно показателен. Сираой издавна является местом обитания клана “кита-убийцы”, члены которого, в отличие от ряда других кланов, занимались, прежде всего, морскими промыслами и выработали свой локальный вариант айнской культуры. Поэтому музей в Сираое дает представление именно об этом варианте, а не о какой-либо общеайнской культуре. Другая особенность этого музея заключается в том, что, игнорируя исторический фон, он фактически обходит такие важные моменты айнской истории, как сопротивление японской колонизации и айнские восстания.

Между тем, в последние десятилетия именно эти исторические события начинают играть все большую роль в айнском самосознании. Хотя традиционно у айнов имелся запрет на изображение людей и животных, сегодня он нарушается. Айнам очень важна память о главарях восстаний против японцев, ибо такая память помогает в борьбе с дискриминацией. Например, в 1970 г. в г. Сидзунае на юге Хоккайдо был воздвигнут мемориал

Игра на комусе. Музей айнов. Сираой

айнскому вождю Сякусяину, возглавлявшему восстание 1669–1672 годов. В 1994 г. в местечке Каминоку недалеко от г. Хакодате у южной оконечности Хоккайдо был поставлен памятник Косямаину, вступившему в 1457 г. в борьбу с могущественным самурайским кланом Мацумаэ, положившим начало японскому освоению острова. Наконец, совсем недавно айны провели поминовение своих сородичей, погибших во время восстания на о-ве Кунашир в 1789 г. (Спеваковский 1998).

Однако даже в этом сказывается клановая разобщенность. Хотя у всех указанных мемориалов айны регулярно проводят ритуалы поминовения, эта их деятельность остается за рамками музейной экспозиции в Сираое, ибо местный клан не участвовал в упомянутых событиях. Ведь помянуть вождя Сякусяина приходят только те, чьи предки участвовали в поднятом им восстании. Айны Сираоя эти торжества не посещают, да их там и не ждут. Поэтому история айнов фрагментарна, у них нет представления о какой-либо единой истории “айнского народа”, и в музее Сираоя она не показана. Зато упомянутые исторические события находят отражение в Музее колонизации. Полное игнорирование этих, казалось бы, важнейших для айнов исторических событий музеем в Сираое объясняется не тем, что он будто бы стремится избегать политизации айнского вопроса, которая неизбежно присутствует в почитании указанных мемориалов, а тем, что для многих айнов местная клановая идентичность представляется не в пример важнее общей айнской. Поэтому в таких музеях отражена прежде всего местная, а вовсе не общеайнская культура или история.

Такое “игнорирование истории” находит интересное отражение в Национальном музее американского индейца, открытом в сентябре 2004 г. в Вашингтоне. Музей и его экспозиция создавались сотрудниками Смитсоновского института совместно с самими индейцами (Rosoff 1998: 33–42; Spruce 2004). Интересно, что последние настояли на том, чтобы в экспозиции был сделан акцент на современном состоянии их обществ и культур как живых реалий. Менее всего они хотели, чтобы их культуры выглядели в музее “мертвыми”. Каких-либо исторических экскурсов в музее почти нет (за исклю-

чением стенда с разнообразными каменными наконечниками стрел, относящимися к самым разным археологическим культурам и эпохам). Зато огромное внимание уделено тому, как сами индейцы осмысливают окружающий мир и свое место в нем, исходя из традиционной концепции циклического, а не линейного времени. При подготовке экспозиции индейцы выражали желание, чтобы акцент был сделан на творческом характере культуры, а не на противопоставлении “нового” “старому”. Причиной тому было стремление индейцев порвать с тем популярным образом “варваров”, который американское общество, включая историков, веками приписывало их предкам. Ведь еще сравнительно недавно место для индейцев находилось только в Музее истории природы, тогда как культура и история белых американцев демонстрировались в расположенном недалеко от него Музее американской истории. Так, по словам американского автора, проводилась резкая граница между культурными ценностями и жизненными мотивациями: белым американцам приписывалась “борьба за свободу”, а индейцам – “борьба за выживание”. Тем самым американская идентичность резервировалась только за “белыми”, а история и развитие представлялись свойством исключительно “белого человека”. Все другие культуры вызывали интерес лишь своей экзотикой, но трактовались как нечто “низшее”, “варварское”, не вписывающееся в современную цивилизацию, ассоциирующуюся с “белыми” (Blakey 1990: 38–48).

Этот образ переносился на современных индейцев и обрекал их на дискриминацию и прозябание в резервациях, где они должны были воспроизводить свою традиционную культуру, поддерживая у белых американцев представление о своем якобы имманентном “варварстве”. Поэтому, участвуя в создании музейной экспозиции, индейцы стремились всячески порвать с этим образом, унижающим их человеческое достоинство. Вместо традиционных музейных вещей они предпочли заполнить экспозицию фотографиями современных индейцев, работающих на тракторах, правящих рыболовными шхунами, проводящих линии высоковольтных передач и т.д. Так они создавали себе образ людей, хорошо интегрированных в современную индустриальную цивилизацию. Этим они подчеркивали свое стремление к равноправию и выражали протест против дискриминации, апеллирующей к их якобы “низкому культурному уровню”.

Так музеи участвуют в современной политике идентичности, которая, как мы видим, далеко не всегда заинтересована в исторических экскурсах. В колониальную эпоху, с точки зрения белых, “туземцы” были достойны лишь этнографических экспозиций, лишенных исторической глубины, ибо они были “частью природы”. А сегодня сами “туземцы” иной раз склонны отвергать колониальную историю по причине того, что она придает их предкам недостойный облик. При этом, если айны в борьбе с дискриминацией стараются подчеркивать свою самобытность и своеобразие своей этнографической культуры, то индейцы по той же причине стремятся вписать себя в современную американскую цивилизацию. Правда при этом они не забывают и о своей самобытности, но она находит место в основном в духовной сфере: каждая племенная общность индейцев считает важным дать посетителю Национального музея американского индейца представление о своих религиозных обрядах и верованиях, фольклоре и духовных ценностях. Тем самым индейцы подчеркивают, что, являясь, наряду с белыми, неотъемлемой частью американского общества, они сохраняют свою культурную специфику и вовсе не намерены от нее отказываться. Однако как мы видели, эта специфика осознается не в историческом, а в этнографическом плане.

Сегодня изменения произошли и в Музее американской истории. Теперь там большое место отводится мультикультурализму и пропаганде антидискриминационных установок. С одной стороны, там выставлен огромный американский флаг и представлен лозунг “Мы – один народ”, взятый из Американской конституции. Все это призвано подчеркнуть сплоченность американской нации. Но, с другой стороны, там отмечается, что едва ли не с самого начала в США дискутировался вопрос о равнопра-

вии женщин, чернокожих и индейцев. В последние десятилетия музей постоянно организует временные экспозиции, показывающие драматическую историю отдельных местных этнорасовых групп. Например, в 1994 г. музей уделил внимание пятидесятилетней годовщине депортации японцев в годы Второй мировой войны. А в 2006 г. там были показаны две выставки, освещавшие историю и культуру афроамериканцев и евреев в США. Иными словами, к концу XX в. этот музей расширил рамки своей концепции истории и стал включать в нее прошлое различных этнорасовых меньшинств и этнических групп. Теперь американские музеи нацелены на пропаганду антидискриминационных установок и практик и отдают дань уважения тем культурам, которые еще сравнительно недавно подвергались гонениям и унижению.

Итоги: музей как конструктивное начало

Итак, представленная панорама со всей очевидностью показывает активную конструктивистскую роль музея, способного использовать свои богатые коллекции для обоснования тех или иных историософских и политических концепций, в которых нуждается общество или его элита. Музей может отстаивать колониальную доктрину, но может и объявлять войну колониализму; он может продвигать расовую идею, а может и бороться против дискриминации; может стирать местные культурные различия во имя национального единства, а может поддерживать и укреплять местные идентичности; может пропагандировать аутентичную культуру, но может заниматься и присвоением чужой культуры; вписывая культуру “туземцев” в природное окружение, он может подчеркивать их самобытность, а может и унижать их достоинство. В частности, музей может сознательно исключать некоторые этнические группы из образа национальной общности. И напротив, он способен включать самые разные этнические группы в единую общность, нисколько не отказывая им в самобытности.

Прославляя достоинства местной культуры, музей вовсе не обречен на обращение к истории. Иной раз, как мы видели, он даже отвергает историческую перспективу. Но даже там, где музейная экспозиция призвана говорить в первую очередь об историческом развитии, это последнее по-разному трактовалось в разные эпохи, в разных странах или регионах. В соответствии с этим формировалась и формируется музейная экспозиция. Возможны следующие варианты: эволюционистский, культурно-исторический, историко-фактографический, этноцентристский, националистический, мультикультурный и пр. В одних случаях приоритет отдается истории территории или региона, в других – истории народа (этноса) или политической нации. При этом огромную роль в создании музейной экспозиции играет амнезия: вещи или факты, нарушающие стройность ее концепции, не включаются в экспозицию и остаются в запасниках. Наконец, музей не допускает поливариантности исторических интерпретаций. В музее всегда представлена лишь одна версия истории, и посетителю предлагают видеть в ней единственно возможную истину.

Иными словами, даже выборочные примеры показывают, как государственная политика, национализм и политика идентичности впрямую отражаются на идеологии музейной экспозиции. В одних случаях они навязывают посетителю представление о прогрессивном историческом пути, пройденном доминирующим этносом (прошлая экспозиция в Хельсинки), или о его тысячелетней автохтонной эволюции на данной территории практически в изоляции от каких-либо иных групп (Владикавказ), в других содержат установку на конструирование интегрированной общенациональной культуры, игнорирующее региональную вариативность (Мадрид, Лагос, Махачкала), в-третьих, сознательно по политическим причинам замалчивают вклад определенных народов в культуру края (Ставрополь, Львов, Вена) или вычеркивают из истории определенные исторические эпохи (Берлин времен ГДР, Ашхабад); в-четвертых, делают акцент на культурной и религиозной идентичности, позволявшей народу сохраниться даже при отсутствии связи с исконной территорией или при утрате политической ор-

ганизации (музеи Израиля); в-пятых, открыто продвигают идею мультикультурализма (Вашингтон, Улан-Удэ).

Кроме того показательно, что в соответствии с той или иной политикой музеи демонстрируют порой только одну из социальных культур, выдавая ее за общенациональную. Так, в ранние советские годы парадигма классового противостояния требовала демонстрации, прежде всего, культуры простонародья. Зато в постсоветской России в ряде музеев акцент перенесен на культуру зажиточных слоев населения. Причем и в том, и в другом случае посетители не испытывают какого-либо неудобства и признают экспонируемую культуру “своей”, т.е. относящейся к “мы-группе”. Это означает, что в умах посетителей этническое доминирует над социальным.

Наконец, музеи, устроенные этническими меньшинствами или при их участии, далеко не всегда заинтересованы в обращении к истории. В ряде случаев они больше всего озабочены демонстрацией своей культурной самобытности, которую лучше всего отражает именно традиционная этническая культура (Сираой), а в других – демонстрацией своих способностей вписаться в современную культуру (Музей американского индейца). Таким образом, музей вовсе не изолирован от доминирующих настроений, характерных для населения страны или региона. В то же время он сам с помощью своей экспозиции и ее комментирования экскурсоводами оказывает влияние на эти настроения и способствует укреплению той или иной идентичности.

Литература

- Абашинов 2009 – Абашинов С.Н. Мустакиллик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий // Неприкосновенный запас. 2009. № 4. С. 37–54.
- Демидов 2002 – Демидов С.М. Постсоветский Туркменистан. М.: Наталис, 2002.
- Спеваковский 1998 – Спеваковский А.В. Современные айские праздники // Отару шоука дайгаку, Джимбун кэнкью. Т. 95. 1998.
- Шнирельман 1989 – Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука, 1989.
- Adams 1999 – Adams K.M. Identités ethniques, régionales et nationales dans les musées indonésiens // Ethnologie française. 1999. Т. 29. № 3. P. 355–364.
- Alland 2002 – Alland A. Race in mind: race, IQ and other racisms. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2002.
- Anderson, Reeves 1996 – Anderson M., Reeves A. Contested identities: museums and the nation in Australia // Museums and the making of “ourselves”. The role of objects in national identity / Ed. F.E.S. Kaplan. L.: Leicester Univ. Press, 1996. P. 79–124.
- Blakey 1990 – Blakey M.L. American nationality and ethnicity in the depicted past // The politics of the past / Eds. P. Gathercole, D. Lowenthal. L.: Unwin Hyman, 1990. P. 38–48.
- Dickenson 1996 – Dickenson J.P. Nostalgia for a gilded past? Museums in Minas Gerais, Brazil // Museums and the making... P. 221–245.
- Gaugue 1999 – Gaugue A. La mise en scène de la nation dans les musées d’Afrique tropicale // Ethnologie française... P. 337–344.
- Gellner 1992 – Gellner E. Nationalism in the vacuum // Thinking theoretically about Soviet nationalities / Ed. A.J. Motyl. N.Y.: Columbia University Press, 1992.
- Glick Schiller et al 2005 – Glick Schiller N., Dea D., Höhne M. African culture and Zoo in the 21st century: the “African Village” in the Augsburg Zoo and its wider implication (<http://www.eth.mpg.de/events/current/pdf/1120750934-01.pdf>)
- Horne 1984 – Horne D. The great museum. The re-presentation of history. L.; Sydney, 1984.
- Kaepler 1996 – Kaepler A.L. Paradise regained: the role of Pacific museums in forging national identity // Museums and the making... P. 19–44.
- Kaplan 1996 – Kaplan F.E.S. Nigerian museums: envisaging culture as national identity // Museums and the making... P. 45–78.
- Kohn 1995 – Kohn M. The race gallery. The return of racial science. L.: Jonathan Cape, 1995.
- Kuper 1993 – Kuper A. Racial science // Nature. 1993. Vol. 364. № 6440. P. 754.
- Massin 1996 – Massin B. From Virchow to Fischer // Volkgeist as method and ethic / Ed. G.W. Stocking. Madison: The University of Wisconsin Press, 1996. P. 79–153.

- Paynter* 1990 – *Paynter R.* Afro-Americans in the Massachusetts historical landscape // The politics of the past... P. 49–62.
- Rosoff* 1998 – *Rosoff N.B.* Integrating native views into museum procedures: hope and practice at the National Museum of the American Indians // Museum Anthropology. 1998. Vol. 22. № 1. P. 33–42.
- Seeden* 1990 – *Seeden H.* Search for the missing link: archaeology and the public in Lebanon // The politics of the past... P. 141–159.
- Spruce* 2004 – *Spruce D.B.* Spirit of native place / Ed. D.B. Spruce. Wash., D. C.: National Museum of American Indians, Smithsonian Institution, 2004.
- Willett* 1990 – *Willett F.* Museums: two case studies of reaction to colonialism // The politics of the past... P. 172–188.
- Zoo 2001 – Zoo unveils African Village murals (<http://www.gatesfoundation.org/UnitedStates/PacificNorthwest/Announcements/Announce-354.htm>)

V.A. Shnirelman. Museum and the Construction of Social Memory: A Cultural Studies Approach

Keywords: museum, history, identity, amnesia, native peoples, discrimination

ЭО, 2010 г., № 4

© Д.А. Баранов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ И “РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ”*

Ключевые слова: музей, этнография, репрезентация, идеология, классификация

Музейная этнография имеет собственную традицию классификаций и таксономий (иерархий) народов, культур, ареалов, предметов. Более того, сам музей – пространство сосредоточия и экспликации разнообразных исторически ограниченных классификаций; в его стенах постоянно происходит процесс формирования новых культурных значений и этнографических реалий посредством перегруппировки и переименования вещей, создания коллекций и экспозиций. Какова прагматика актуальных классификаций и какую роль они сыграли в формировании той или иной экспозиционной стратегии Этнографического отдела Государственного Русского музея – вот те вопросы, которые будут здесь рассмотрены¹.

Учрежденный указом императора Александра III и созданный в 1902 г. как Этнографический отдел в составе Русского музея Российский этнографический музей задумывался как грандиозный имперский проект, главной задачей которого было представить картину “*этнографического протяжения нашего отечества, картину народов, обитающих в России и в непосредственном соседстве с нею*”. Появление его и рост в то время многочисленных музеев в Европе и Америке явились частью общего замысла “упорядочить культуру сверху донизу” (*Clifford* 1988: 214). Этнографическому музею,

Дмитрий Александрович Баранов – кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии русского народа Российского этнографического музея; e-mail: dmitry.baranov@list.ru

* За финансовую поддержку благодарю Arts and Humanities Research Council (грант № AH/E509967/1 “National Identity in Russia from 1961: Traditions and Deterritorialisation”).